
РЕЦЕНЗИИ

Б. В. ЕМЕЛЬЯНОВ

РУССКАЯ КАНТИАНА ПРОФЕССОРА КАЛИННИКОВА

Калинников, Л. А. Кант в русской философской культуре. – Калининград, 2005.

Один из известных российских кантоведов, организатор и участник кантовских конференций в стенах Калининградского университета – ныне Российского государственного университета им. Канта(!) – профессор Леонард Александрович Калининков выпустил монографию «Кант в русской философской культуре» (Калининград, 2005).

Книга эта давно ожидалась, поскольку уже более десяти лет в различных изданиях начали появляться статьи, освещавшие разные аспекты интерпретации философии Канта в русской философии. Теперь эта книга издана и после ознакомления с ней может быть оценена как существенный вклад в русскую кантиану.

Оценивая ее достоинства, отметим несколько моментов. Во-первых, Л. А. Калининков в ней в очередной раз показал себя глубоким знатоком трансцендентализма И. Канта. Во всех трех разделах книги содержатся обстоятельные экскурсы в философию немецкого ученого, будь то его антропология, гносеология, философия права или эстетика. В результате читателю не приходится припоминать, в чем и как соотносятся идеи русских философов с построениями кенигсбергского мудреца, в чем сходятся, а иногда и ощутимо расходятся их пути, к примеру, в обосновании морали. Автор утверждает и тщательным анализом доказывает, что «для Канта религия оказалась необходимым следствием морали, мораль играет в его системе роль цели, а религия – роль средства, подчиненного, что совершенно естественно, цели; для Вл. Соловьева,

напротив, религия есть цель, а мораль – средство утверждения подлинного христианского всеединства, мораль существует лишь как следствие религии» (с. 41). Это пример из области метафизики нравов и этической конвергенции и дивергенции между Вл. Соловьевым и И. Кантом. Не менее обстоятельно Л. А. Калининков исследует соотношение трансцендентализма И. Канта с онтологизмом В. Эрна и П. Флоренского и акцидентализмом Л. Шестова в определении истины.

Во-вторых, автор показал себя в рецензируемой книге отличным и тонким знатоком не только философии И. Канта, но и русской философии. Его философский анализ различных сторон философии всеединства Вл. Соловьева, философских построений его учителя П. Д. Юркевича, с которого начинается, по его мнению, «традиция заимствовать все полезное у Канта и доблестно ругать его» (с. 16), историко-философские экскурсы, иногда весьма подробные, в онтологизм В. Эрна, трансцендентализм и пантиполизм П. Флоренского, акцидентализм Л. Шестова делают честь автору как историку русской философии. Одним из лучших в этом отношении мы считаем обстоятельное исследование проблем отечественной софиологии и ее отношения к философским построениям Канта в специальном параграфе «Категория “София” и ее возможное соответствие в рационально построенной системе философии (Вл. Соловьев и И. Кант)» (с. 116–140).

В-третьих, в работах по истории русской философии не так уж много обращений к философским идеям русской литературы. О ее высоком философском потенциале знают давно, но специально эта ее национальная особенность исследуется не часто. Л. А. Калининков задался целью проанализировать «проникновение идей Канта в художественную русскую литературу». На примере всего лишь нескольких корифеев русской литературы – поэтов А. Пушкина, Вл. Соловьева и Вяч. Иванова – автор убедительно показал, как идеи кенигсбергского философа влияли на выбор ими художественных тем, способ их развертывания и решения. Весьма удачно и методологически верно он обратился к оценке С. Н. Булгаковым поэзии Вл. Соловьева: «...в многоэтажном, искусственном и сложном творчестве Соловьева только поэзии принадлежит безусловная подлинность, так что и философию можно и даже должно поверять

поэзией»¹. Соглашаясь с Булгаковым, автор, однако, поступил по-своему, так оценивая свою методологическую установку: «Я исходил из идеи синтетической целостности творчества великого русского философа и гармоничного отображения в его поэзии его философии, а в его философии – его поэзии, наполняемых не только мощным его умом, но и мистически-страстной и чувственной душой» (с. 253). Аналогичный диалектический подход к оценке философии и поэзии, их отношения к Канту мы отмечаем в интерпретации Калининским поэзии гения русской литературы А. С. Пушкина и Вяч. Иванова. Причем последний помимо прочего представлен как один из теоретиков русского символизма. И, конечно, жаль, что автор не включил в свою книгу как отдельный сюжет поэтическое и философское творчество изначального почитателя Канта и, по большому счету, неокантианца, теоретика русского символизма А. Белого. И это тем более непонятно, поскольку у Л. А. Калининкова есть великолепный очерк «“Вещь в себе” и поэзия (И. Кант в поэме А. Белого “Искуситель”»)» (Запад и Россия. – 1998. – № 1. – С. 170–188).

В-четвертых, в историко-философских работах, а рецензируемая монография является таковой, редко встречается обращение к современному состоянию в исследовании той или иной философской проблемы. Книга Л. А. Калининкова – одно из исключений. Автор интересно и обстоятельно анализирует современное решение ряда философских проблем, заявленных еще кенигсбергским философом. Вполне актуально, к примеру, звучат названия таких глав и параграфов книги: «Идея категорического императива в современных условиях», «Некоторые современные возражения Канту с позиции Льва Шестова», «Какой конец ждет “критическую эпоху”?»». И не только название, но и содержательное наполнение этих параграфов говорит об актуальности кантовских идей для современного философского развития.

Достоинства рецензируемой монографии Л. А. Калининкова не исчерпываются названными положениями. Думаем, что остальные будут названы другими рецензентами. Что же касается недостатков, то здесь положение сложное, поскольку автор лишь в заклю-

¹ Булгаков, С. Н. Философия хозяйства. – М., 1990. – С. 286.

чении оговорил те течения русской философии, которые он не анализировал в их отношении к Канту. Отдав предпочтение «представителям философии религиозной, весьма существенному и авторитетному течению отечественной мысли, внимание к которому оказалось в последнее время преобладающим», он оставил в стороне и неокантианство, и позитивизм, и марксистскую, и академическую философию. Мы понимаем, что нельзя объять в одной книге столь большой объем русской кантианы. Однако, хотя бы для контраста с теми русскими философами, которые пусть не ортодоксально, но с явным пиететом относятся к философии Канта, имело смысл рассмотреть и критиков Канта, к примеру тех же русских марксистов, оценив их антикантовские построения с позиций современного прочтения, современной оценки их философских взглядов.

И, во-вторых, в книге Л. А. Калинникова хорошо представлен смысл кантианских штудий в русской философской культуре, но отсутствуют их истоки. Вместе с тем не с Пушкина, Юркевича и Соловьева началось положительное и одновременно критическое знакомство русской мысли с идеями Канта. Те же первые номера «Кантовских сборников» наполнены примерами такого знакомства. Включение в монографию анализа этих начальных этапов русской кантианы обеспечило бы ей бо́льшую возможность последующих обращений к Канту русских философов второй половины XIX – начала XX в.

Наши замечания не являются критическими в полном смысле слова. Их реализация, на наш взгляд, добавила бы новые штрихи к великолепно выполненному исследованию сложной историко-философской проблемы. Уверены, что монография Л. А. Калинникова «Кант в русской философской культуре» послужит стимулирующим началом для последующего анализа русской кантианы. А о том, что эта тема является актуальной и востребованной, говорит хотя бы недавняя книга екатеринбургского историка философии В. Д. Шмелева «Этикотеология Канта в пореформенной России» (Екатеринбург, 2003), в которой обстоятельно анализируется отношение к философии кенигсбергского ученого не только Вл. Соловьева, но и В. В. Розанова и Л. Н. Толстого.